

Научная статья
 УДК 821.161.1
 doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-139-143

ЭКСПЛИКАЦИЯ «РЕЛИГИОЗНОГО» ЭМОТИВА «РАДОСТЬ» В АСПЕКТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Д.М. Бычков², Д.Р. Гайнанова²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

²Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия

¹dmitriybychkov@list.ru

²dilyara2701@mail.ru

Аннотация. Современные художественные переложения патериковых рассказов характеризуется эмотивностью, что проявляется в авторском высказывании различные аспекты человеческой эмоциональности. Актуальность исследования эмоциональной грамотности автора-агиографа, «пересказывающего» патериковые рассказы, обусловлена тем, что эмотивы играют важную роль в осуществлении процессов речевого мышления и общения, а также воздействия на читателя, что требует филологического анализа, поскольку они характеризуются высокой частотностью употребления в новейшем литературно-религиозном типе дискурса. Универсальность эмоций обеспечивает субъектов литературной коммуникации тем фундаментом, с которого может начинаться создание и формирование эмоциональной грамотности «воцерковленного» читателя. Настоящая статья ставит целью выявление прагмалингвистических средств выражения эмоции радости как одной из самых специфических в ряду «религиозных» эмоциональных феноменов в современной русской религиозной литературе.

Ключевые слова: эмоциональная грамотность, эмотивность, патерик, религиозная литература, литературная коммуникация, эстопсихология, эмпатия

EXPLICATION OF THE «RELIGIOUS» EMOTIVE «JOY» IN THE ASPECT OF EMOTIONAL LITERACY

D.M. Bychkov¹, D.R. Gaynanova²

¹Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

²Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan, Russia

¹dmitriybychkov@list.ru

²dilyara2701@mail.ru

Abstract. Modern artistic arrangements of patericon stories are characterized by emotiveness, which is transformed in the author's statement in the form of manifestations of various aspects of human emotionality. The relevance of the study of the emotional literacy of an author retelling patericus stories is due to the fact that emotives play an important role in the implementation of the processes of verbal thinking and communication, as well as the impact on the reader, which requires further analysis, since they are characterized by a high frequency of use in the latest literary and artistic discourse. The universality of emotions provides the subjects of literary communication with the foundation from which the creation and formation of emotional literacy of the «churched» reader can begin. This article aims to identify the pragmalinguistic means of expressing the emotion of joy as one of the most specific in the series of «religious» emotional phenomena in modern Russian religious literature.

Keywords: emotional literacy, emotivity, patericon, religious literature, literary communication, estopsychology, empathy

В неоспоримое число базовых потребностей каждого человека входит выражение положительных и отрицательных эмоций как важный гибкий навык, составляющий необходимый элемент речевой коммуникации и функционирования общества, на что указывали в свое время Ч. Дарвин, З. Фрейд, Э. Торндайк, Д. Вэкслер, М. Белдок, К. Штайнер, узаконивший статус понятия «эмоциональная грамотность» как термина [7]. В новейшей лингвистической и психологической научной литературе, концептуально объединенных еще в 1888 году эстетической теорией «эстопсихологии» Э. Геннекена, эмоциональным (социальным) интеллектом (EQ) или эмоциональной грамотностью называют всю сумму эмотивно-дискурсивных навыков и способностей

говорящего / слушающего человека, способствующих адекватному распознаванию широкого спектра эмоций, возможность понимать собственные интенции и намерения «другого», его и свою мотивацию и желания, а также управленческая способность по отношению к эмоциям в целях разрешения практических задач личной и общественной жизнедеятельности (в том числе, добавим, в сфере массовой коммуникации, например, в художественной коммуникации – в литературе).

Теория «эмоционального интеллекта» – важный базис для современных наук, объединенных изучением коммуникативных технологий. Вспомним, что французский литературный критик Э. Геннекен в «Опыте построения научной критики: Эстопсихология» (рус. перевод) установил ключевые методологические принципы «эстопсихологических» приёмов исследования литературных (шире – коммуникативных) явлений, исходя из вполне убедительного положения, что «тексте» в объемном понимании этого понятия надлежит рассматривать системно – с трех позиций: эстетической, психологической и социологической [2]. Исследователь литературы, по мысли ученого, должен, прежде всего, выявить особенности эмоций, продуцируемых данным сочинением, и средств, используемых с таким образом определенной целью (язык, персонажи, сюжет, композиция и т.п.); затем осветить свойства психики автора как биографического лица и как образа, созданного писателем, находящие свое объяснение в особых свойствах его мышления и, наконец, установить связь, существующую между автором и обществом, с одной стороны, и автором и читателем, с другой, основываясь на верифицируемом в психолингвистике допущении о психологическом сходстве читателя и писателя. Теория Э. Геннекена, безусловно, вызывает научный интерес, что подтверждается имеющейся традицией обращения к его книге гуманитариев самого разного профиля: писателя и юриста К.К. Арсеньева, библиографа Н.А. Рубакина, психолингвистов Ю.А. Сорокина и В.П. Белянина, некоторыми литературоведами, лингвистами, критиками. Такие стратегии анализа текстов и сегодня представляются актуальными.

Применяя законы и открытия теории эмоционального интеллекта и «эстопсихологического» направления к литературному творчеству, можно сконструировать инновационное понимание этого вида искусства как межличностного коммуникативного процесса. Чтение художественного текста, обретение на определенное время собственного места в художественной картине мира позволяет реципиенту конструктивно решать эмоциональные трудности, с которыми он сталкивается, взаимодействуя с персонажами, сопереживая им, принимая решения, чтобы, в терминологии К. Штайнера, «построить надежное будущее». В процессе любого общения, например, в эмоционально-дискурсивном пространстве литературной коммуникации, происходит столкновение и наложение когнитивно-эмоциональных пространств речевых партнеров. Имея первоначальный негативный эмоциональный настрой при вступлении в общение, адресант может либо изменить его, либо привлечь на свою сторону.

Таким образом, развивая мысль К. Штайнера, можно предположить, что «личная власть» читателя может быть увеличена, а отношения в системе «читатель – автор – персонаж» трансформированы в направлении большей «психологизации» процесса чтения. Индивидуальное восприятие читателя выходит на первый план рецепции, побуждая человека смотреть вовнутрь, а не на социальную среду, воссозданную в литературном сочинении, в которой действуют индивиды-персонажи, автор и каждый эмоционально грамотный читатель. Литературное письмо должно становиться эмоционально совершенствующимся, со своей «грамматикой» эмоциональных концептов с их вариациями.

Эмотивным в своем роде пространством в современном мире является сфера религиозного искусства, в том числе религиозная проза, восходящая к традиции древнерусской словесности.

Перед анализом конкретных примеров экспликации «религиозных» эмоций уточним методологические позиции, обратившись к лингвистической литературе. Эмотивность – лингвистическая характеристика речевых средств или всего текста, понимаемого как совокупность языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, то есть вызвать у реципиента соответствующие эмоции [4]. Для придания речи эмоционально-экспрессивной окраски, оказывающей влияние на восприятие читателя, с этой целью используются различные языковые единицы, наблюдается стилевая разноплановость. Эмотивный компонент варьируется в двух видах: значение и сознание (коннотация). Функцией эмотивного компонента является самостоятельное выражение типизированного эмоционального состояния или отношения говорящего к «миру».

Таким образом, эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности индивида и представляет собой результат

интеллектуального толкования, интерпретации эмоциональности и является структурирующим компонентом публицистического текста. Эмотивность представляет собой сознательный, запланированный процесс демонстрации эмоций, лингвистическое выражение эмоциональности, который является необходимым для построения публицистического текста. Речь автора-публициста сосредоточена на оппозиции «стимул – реакция», где под «реакцией» уже понимается «обратная связь».

Современная российская литературная коммуникация носит полижанровый характер выражения писательских замыслов. Жанровые стратегии литературной коммуникации сегодня реанимируют и «архаичные» генологические образования, например, жития, патерики и другие жанры церковной словесности. Воцерковленные субъекты коммуникации в соответствии с древнерусской литературной традицией обмениваются «религиозными» эмоциями, например, «радостью». Так, например, в анонимном переиздании «Псково-Печерского патерика», посвященного в первой главе агиографическому описанию подвижнической жизни святого Марка, важным композиционным элементом парафразы является молитвенное заключение, анафорически строящееся на повторе императива «радуйся» (11 словоупотреблений), обращенного к преподобному подвижнику, компилятивно заимствованное из акафиста Собору Псково-Печерских святых, что, конечно, отражает эмоциональную норму агиографии, соответствует принципам литературного этикета и жанрового канона: «Радуйся, яко земное отринув, умом твоим в Небесное воспарил еси; / Радуйся, путь твой в небо подвигом украси еси. / Радуйся, смирения теплый стяжателю и т.д.». Психологически подобное завершение текста оказывает влияние на читателя религиозной литературы, заряжает положительным эмоциональным настроением и лишь в небольшом семантическом объеме коррелирует с прямым словарным значением глагола «радоваться» и, соответственно, существительного «радость». Ср.: радоваться – испытывать радость, предаваться радости по поводу чего-л. (Словарь русского языка: В 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999); радость – чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение (Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007). Эмотив «радость» в агиографическом дискурсе актуализирует религиозную компоненту семантики этого сложного эмоционального концепта, восходящего к библейской его интерпретации как душевного чувства, источником которого является полученное или ожидаемое какое-либо благо (1 Пет 1:8), считающееся плодом Святого Духа (Гал 5:22). Семантический концепт «радость» в нашем примере включается автором молитвенного прославления в системные отношения с «иноэмоциональными» номинантами: «...земное отринув...», «...путь твой в небо...» – смерть, «молитвы кадило благоприятное», «...слез покаянных неоскудный источник» – похороны, «...красоту селения Божия возлюбивый», «приметатися в дому Божию изволивый» – загробная жизнь и т.п., синтезирующими сопереживание положительных (святость и радость) и отрицательных (смерть и похороны) моментов не как бинарные начала жизнеустройства, а как составляющие единого процесса. Так, и каждая последующая глава в соответствии с указанной эмоциональной установкой и мировоззренческой директивой религиозного писателя заключается императивным предложением: «Молитвами преподобного <...>, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» [5] и / или цитатой из тропаря, кондака и молитвой, воссоздающим онтологичность агиографического жанра. Таким образом, как мы видим, эмоция «радость» носит синтетический характер в религиозном по характеру дискурсе как одном из ментальных отображений русской лингвокультуры. Наш пример психологически и лингвистически интересен тем, что свидетельствует «о понимании человеком трансформаций, переходов одних эмоциональных состояний в другие», на что, как обратил внимание Н.А. Красавский [3], указывает «Словарь древнерусского языка». Ср.: «Печальны будете, но печаль ваша в радости будет» (перевод с древнерус. наш).

В анализируемом примере выражается кроме всего выше обозначенного эмпатическая установка агиографа, дискурсивно отражающая его когнитивные литературные способности – осознанное сопереживание настоящему эмоциональному состоянию другого без потери ощущения происхождения этого переживания, чем и заключается душеполезный пафос подобного жанра сочинений. Укажем также на тот факт, что с психоаналитических воззрений специфика «радостной» эмпатии обусловлена религиозным возбуждением. Подобные феномены формируют заметные социокультурные изменения в сфере трансформации литературной коммуникации (генологические изменения в образовании текстов) и эмоциональной грамотности ее субъектов. Докажем это положение, опираясь в свою очередь на феномены художественной речи, находя

иллюстрации отражения эмоции «радость», например, в авторском дискурсе исторических романов («агиороманов» в нашей терминологии) о святых, типологически схожих с разбираемым выше примером, поскольку в художественном формате воссоздаёт так же агиографический дискурс. В предисловии к основному повествованию «Сергий Радонежский» писатель-историк Д.М. Балашов делится с читателем своими переживаниями, используя фигуру вопроса как коммуникативного сигнала к эмпатии: «Трудно приступить к книге, но к этой книге трудно особенно. <...> Как, в самом деле, понять, просто понять всё это: и монастырское уединение, и пост, и воздержание плотское, и горную радость в постах и воздержании обретаемую? И светлоту, паче всего светлоту, не унылость, не скорбь, а светлоту несказанную иноческого жития? Как тоску, как истязание, как угнетение телесное мы бы ещё и поняли, но как понять радость совершенную, светлую радость тела и духа, отшельниками жизни сей достигаемую? Как понять парение мысли, и – нет, не мысли даже, а чего-то высшего мысли, что струилось окрест, на прочих, на простых людей (таких, наверно, каковы и мы сейчас) и согревало, и укрепляло, и подымало душевные силы всех этих прочих, «простецов», на подвиги и на труд ежедневный, на то, чтобы жить творя и не разувериться в жизни сей» [1]. Установка на диалогизацию, которую можно заметить в приведенной цитате, и скрытый в психоаналитически считываемом подтексте самоконтроль, согласно К. Штайнеру, – элемент эмоциональной грамотности. В пространной цитате авторской речи, отличающейся эмоциональной интерактивностью, наглядно проявляется эмоциональная составляющая литературной коммуникации и озабоченность современного писателя быть эмоционально грамотным, то есть идентифицировать, системно оценивать и адекватно воспроизводить эмоции, определять качественный переход от одной эмоции к другой, управлять арсеналом эмоций, а также использовать собственный эмоциональный капитал для креативной стимуляции мыслительного процесса.

Популярный в западноевропейской научной традиции (в частности, в американской) термин «эмоциональная грамотность», как правило, мало применяется к анализу текстуральных феноменов – афикциональных или же фикциональных по своей природе. На наш взгляд, правомочность приложения уже достаточно полно разработанной теории эмоционального интеллекта к анализу и интерпретации произведений современных авторов – писателей, публицистов, блогеров, оказывающих со своей стороны сохраняющее по-прежнему авторитетное воздействие в литературоцентричной российской социосфере на многочисленных субъектов чтения. Таким образом, высвечивается актуальность проблемы эмоциональной грамотности, обусловленной количественными (по сути неподдающимися исчислению) и, что, безусловно, важнее для лингвистического понимания указанной проблемной зоны качественными характеристиками репрезентированных эмоций (их референция, семантика, авторские коннотации и т.п.), что с экспертной точки зрения аттестует эмоциональную грамотность личности, погружающегося в ценностно-смысловое пространство языка. В критерии аналитической оценки эмоции, содержащейся как необходимый фермент в тексте, необходимо включить, на наше усмотрение, подтекстовую составляющую, связанную с подсознательными для говорящего / пишущего человека интенциями. Психологический компонент эмоционального интеллекта, по мнению С. Дж. Стейна и Г. Бука, заключается в компетентности [6], связанной одновременно со «способностью правильно истолковывать обстановку и оказывать на неё влияние, интуитивно улавливать то, чего хотят и в чём нуждаются другие люди, знать их сильные и слабые стороны». К достижению этого эффекта стремится, как известно, литературное творчество.

Список источников

1. Балашов Д. М. Сергий Радонежский. М. : АСТ, 2010. 496 с.
2. Геннекен Э. Опыт построения научной критики : Эстопсихология / пер с фр. 2-е изд. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 128 с.
3. Красавский Н. А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (49). С. 4–7.
4. Маслова В. А. Параметры выразительности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / [В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.; отв. ред. В. Н. Телия] ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1991. С. 179-205.
5. Псково-Печерский Патерик. Жизнеописания святых Псково-Печерских. Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2008. 72 с.

6. Стивен Дж. С., Бук Г. И.. Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи. М. : Баланс Бизнес Букс, 2007. 384 с.
7. Steiner K. Achieving Emotional Literacy. NY. : Avon Books.

References

1. Balashov D. M. Sergiy Radonezhskiy. M. : AST, 2010. 496 p.
2. Genneken E. Opyt postroyeniya nauchnoy kritiki: Estopsikhologiya. Per s fr. 2nd ed. M.: Knizhnyy dom «Librokom», 2011. 128 p.
3. Krasavskiy N. A. Kontsept «radost'» v russkoy lingvokul'ture (na materiale slovarnykh statey i assotsiativnogo slovarya) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2010. № 5 (49). pp. 4-7.
4. Maslova V. A. Parametry vyrazitel'nosti teksta // Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti / [V. N. Teliya, T. A. Grafova, A. M. Shakhnarovich i dr. ; Otv. red. V. N. Teliya] ; AN SSSR, In-t yazykoznaneya. M. : Nauka, 1991. pp. 179–205.
5. Pskovo-Pecherskiy Paterik. Zhizneopisaniya svyatykh Pskovo-Pecherskikh. Izd-ye Svyato-Uspenskogo Pskovo-Pecherskogo monastyrya, 2008. 72 p.
6. Stiven Dzh. S., Buk G. I. Preimushchestva EQ. Emotsional'nyy intellekt i vashi uspekhi. – M.: Balans Biznes Buks, 2007. 384 p.
7. Steiner K. Achieving Emotional Literacy. NY. : Avon Books.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.

Научная статья
УДК 81'373
doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-143-147

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕЧИ

С.Б. Зверева

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, stella-zvereva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу иноязычной лексики в дискурсивном поле отечественного телевидения. Профессиональная телевизионная речь рассмотрена через призму содержательно-тематических групп заимствованных неониминаций, связанных с прагматическими и аксиологическими установками российских телеканалов.

В статье выделены содержательно-смысловые группы неониминаций, присущие современному телевизионному эфиру и во многом влияющие на состояние современного русского языка. Функционирование неониминаций в телевизионном дискурсе рассматривается на материале телевизионной речи журналистов федеральных и региональных телеканалов новейшего периода.

Ключевые слова: иноязычная лексика, телевизионная речь, неониминации

FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN PROFESSIONAL TELEVISION SPEECH

S.B. Zvereva

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, stella-zvereva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of new foreign language vocabulary in the discourse field of Russian television. Professional television speech is considered through the prism of content-thematic groups of borrowed neonominations associated with the pragmatic and axiological attitudes of Russian TV channels.

Highlighted the content-semantic groups of neonominations inherent in modern television broadcasting and largely influencing the state of the modern Russian language. The functioning of neonominations in television discourse is considered on the basis of the television speech of federal and regional TV channels of the latest period.

Keywords: borrowed vocabulary, television speech, neonominations